

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОГО ТЕРРОРИЗМА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Международная безопасность и международный порядок в XXI веке оказались под угрозой масштабных изменений из-за набирающего в мире ход террористического движения. После некоторого спада в 2002—2003 гг., начиная с 2004 года фиксируется *беспрецедентный* рост террористической активности, которая с каждым годом превышает свои предыдущие рекордные результаты. В 2006 г. она снова достигла абсолютного рекорда в истории терроризма: 6639 инцидентов и 12 065 погибших в терактах¹ (рис. 1, 2). Феномен современного международного терроризма весьма многогранен и претерпевает значительные изменения в ходе своего ускоряющегося генезиса. В силу возросшей опасности его конкретных проявлений новейшая историческая форма терроризма требует более пристального политического анализа.

Новые тенденции мирового развития во многом определены современными процессами глобализации. Глобальные процессы проникли во все сферы политической и социально-экономической жизни общества, охватили разные континенты и регионы мира. Новые глобальные средства и системы связи определяют мощность и интенсивность потоков информации в глобальном мире, но при этом снижают значимость государственных границ и традиционных средств защиты стран от терроризма. Глобализация порождает одну из тенденций современности — повышение роли негосударственных субъектов и персонификации в международных отношениях. Значение терроризма как актора в системе международного порядка все более возрастает. В результате формируются новые вызовы мировому сообществу.

Современный терроризм обусловлен процессами глобализации, противоречиями современного этапа глобального развития, связан с мировой экономической ситуацией. Несмотря на перманентно существующую проблему в определении дефиниционных границ терроризма и его форм/видов, при всем своеобразии интерпретаций связь международного терроризма и процессов глобализации прослеживается между этими явлениями большинством зарубежных и российских исследователей².

Наиболее точное определение явлению международного терроризма дается известным российским специалистом по исламистскому терроризму А.А. Игнатенко. «Международный терроризм — негосударственное, открыто не санкционированное государствами как субъектами международного права трансграничное насилие в отношении гражданского населения и гражданских инфраструктур, преследующее политические (в первую очередь международно-политические) цели»³

В конце 90-х гг. среди специалистов-террорологов получил распространение термин «новый терроризм», характеризующий глубокие изменения международного терроризма, которым он подвергся за последние два десятилетия. В 1998 году президент США Б. Клинтон на очередной сессии Генеральной Ассамблеи ООН впервые употребил термин «новый терроризм» на столь высоком политическом уровне. В 1999 году шесть крупнейших американских специалистов по терроризму опубликовали книгу об угрозах «нового терроризма»⁴ Тем не менее, как замечал известный американский исследователь, основатель программы по изучению терроризма в Корпорации РЭНД, Б. Дженкинс в ста-

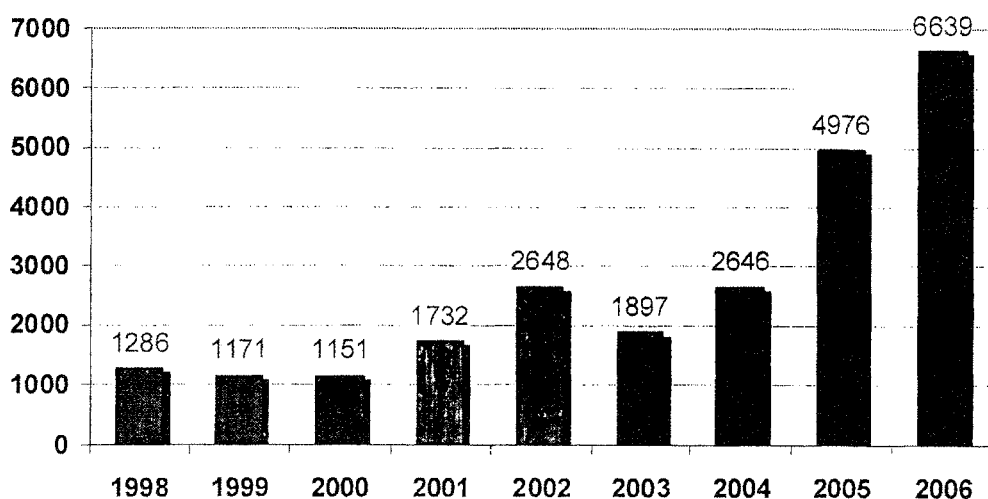

Рис. 1 Количество терактов в мире (1998—2006 гг.)

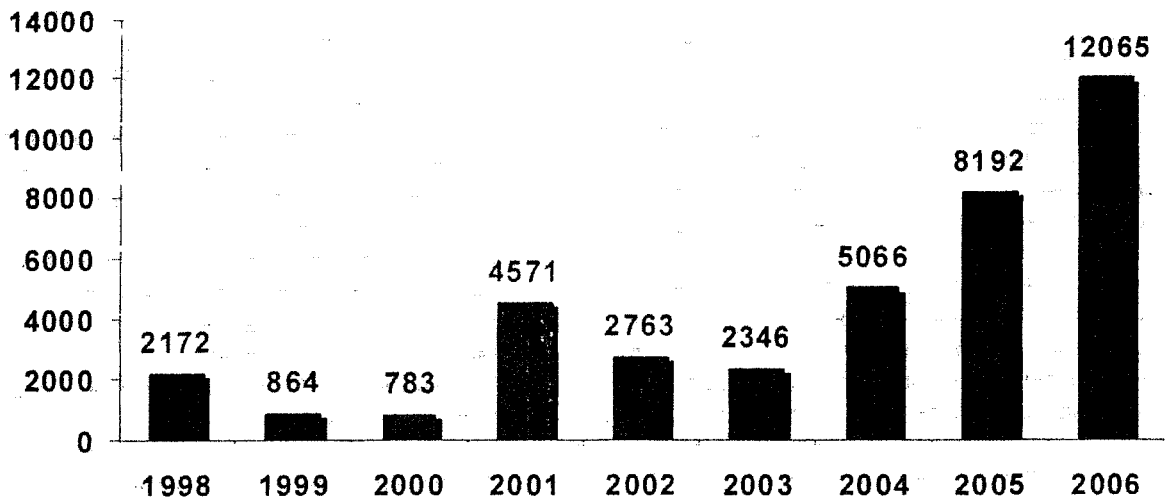

Рис. 2. Количество погибших в терактах (1998—2006 гг.)

ть «Мир меняется, а наше сознание остается прежним», мировое сообщество по-прежнему мыслит прежними стереотипами и не учитывает, а, следовательно, недооценивает качественно иные вызовы «нового терроризма»⁵

Как отмечает А.И. Неклесса, у системного терроризма есть несколько специфических аспектов. В частности, новый терроризм учитывает взаимосвязанность мира, системный характер протекающих в нем процессов, заявляя соответствующую стратегию угроз. Движущей силой (пост)исторического процесса выступает новый субъект, активно влияющий на социальную реальность, — динамичный социоантропологический организм, получившая прямой доступ к мощным инструментам высокотехнологической цивилизации — финансовым, организационным, информационным, техническим. Данный субъект (агент) перемен, «малая динамичная общность», имеющий сетевые организационные формы, деятельно отрицает Старый мир в его различных ипостасях и является антагонистом существующей формулы цивилизации⁶.

Генезис феномена терроризма в условиях глобализации, изменение его сущностных характеристик, позволяет предположить, что терроризм в будущем может принять более патологические формы, угрозы связанные с «новым терроризмом» будут только возрастать. Таким образом, в настоящий момент представляется чрезвычайно актуальным исследование особенностей «нового терроризма», направленное на выяснение характера трансформации данного явления.

Новая природа современного терроризма выражается в модификации целей, организации, идеологии террористических организаций, психологического профиля субъектов террористической деятельности. Главным отличием «нового терроризма» от «старого» является все большее отдаление терроризма от метода «принудительной дипломатии»,

с присущей ей установкой на достижение ограниченных локальных целей и перехода в способ ведения войны, стратегии «терроризму-как-войне». Современный терроризм выступает также как средство революционного преобразования, как средство достижения «нового мира»⁷

Резкое усиление религиозного фактора, отход от светских радикальных моделей терроризма, представляет собой идеологическую трансформацию современного терроризма. В 1980 году лишь 2 из 64 (3 %) «опасных террористических групп» имели ярко выраженный религиозный характер: в 1990 г. таких было уже 11 из 48 (30 %), 1995-м — 25 из 58 (43 %), а в 2005 г. — 49 из 85 (58 %) ⁸ Как следствие резко усугубилась жестокость террористов.

Рост религиозного фактора, и, прежде всего, исламизма, сделал популярной в среде западных исследователей концепцию «волн терроризма» Д. Рапопорта, который заявляет о наступлении нового периода в генезисе данного феномена — четвертой («религиозной») волны терроризма. Начавшаяся в 1979 г. «религиозная» волна связывается с тремя событиями, произошедшими в исламском мире, которые существенным образом спроектировали его дальнейшее развитие: Антишахская революция в Иране, начало нового исламского столетия по мусульманскому календарю и вторжение Советского Союза в Афганистан, сыгравшие решающую роль в политизации ислама, развитии радикальной исламистской идеологии, на базе которой возникли антисистемные экстремистские и террористические группы, организации, движения, партии. Выделение религии как главной движущей силы в международном терроризме в 1990-х гг. становится особенно наглядным, если учесть, что наиболее масштабные (по числу жертв) теракты 1990—2000-х гг. имели значительный религиозный подтекст и/или мотивировку⁹ «Религиозный» терроризм характеризуется совершенно иной системой ценностей, представлениями о морали,

видением мира, в сравнении со «светским».

«Новый терроризм» связывается с изменением инструментальных свойств данного явления и возникновением технологического терроризма, основанного на применении средств массового поражения. Возможность применения ядерного, биологического, химического оружия «новыми террористами» существенно возросла за последние два десятилетия¹⁰.

Многие ученые полагают, что в последнее десятилетие XX в. появился новый тип террориста, основными характеристиками которого являются высокий уровень финансовой обеспеченности, участие в легальном бизнесе, крайние политические или религиозные убеждения, неизбирательность в отношении планируемых жертв терактов¹¹.

В организационном плане фиксируется переход от иерархических вертикальных структур к сетевому принципу организации. Сети представляют собой самоорганизующиеся полицентричные структуры, ориентированные на решение конкретных задач и состоящие из автономных (иногда временных) групп¹².

Сегментированный характер СПИН-структуры¹³ означает, что она состоит из многих ячеек, ее полицентричность подразумевает наличие ряда лидеров и центров. Ее характеристика как сети означает, что различные сегменты, лидеры и центры интегрированы в сетевую структуру посредством структурных, личных и идеологических связей. Такую сегментированную полицентричную идеологически интегрированную сетевую структуру отличает высокий уровень структурной гибкости и адаптивности (приспособляемости). Современное транснациональное движение «Аль-Каиды» представляет собой один из образцов действия «сегментированной полицентричной идеологически интегрированной» сети в глобальном масштабе. После начала глобальной антитеррористической операции (осень 2001 года), потери возможности реального управления Усамой бен Ладеном и нанесения ударов по «Аль-Каиде» в разных странах мира организационные, финансовые и идеологические связи внутри «Аль-Каиды» как сетевой организации в некоторых случаях дополнились, в других случаях были заменены новым типом связей. А.А. Игнатенко называет их интенциональными связями. Принцип здесь такой: «Хочешь быть ячейкой «Аль-Каиды» — будь ею!».

Все больше у исследователей возникает ассоциация глобального терроризма в лице «Аль-Каиды» с образом летающего острова-крепости Лапута. Существование которой нельзя адекватно отразить на двухмерной карте мира, а только на трехмерной или даже четырехмерной. «Новая Лапута» существует поверх географических границ и обладает уникальной подвижностью. Другими словами, это глобальная сеть, которая обладает локализованным центром (центрами), территориальными опорными

базами разных типов, а также «населением» (экстремистско-террористическим пулом), способным к регулируемым миграциям (трансферт террористов) в глобальном масштабе¹⁴.

Трансформация террористических организаций в условиях глобализации на фоне активной «войны с терроризмом», которую ведет коалиция государств под гегемонией США, привлекает в последнее время все больше экспертов и специалистов из официальных ведомств. Исследовательская служба Конгресса США (Congressional Research Service), основываясь на более ранних публикациях Государственного Департамента США, опубликовала доклад под названием «Тенденции в развитии терроризма: 2006» (Trends in Terrorism: 2006), в котором обозначаются особенности динамики развития террористических групп и организаций по всему миру. Среди основных трендов «нового терроризма» последних лет следует выделить следующие.

1. Децентрализацию международных террористических организаций — в террористических структурах по всему миру отмечается рост числа участников, ведущих свою деятельность на микроуровне.

2. Более эффективное использование международных потоков информации, финансов и идей; усовершенствование технических аспектов своей деятельности в области планирования, коммуникаций, пропаганды и выбора целей для последующих атак.

3. Сращивание большей части террористических групп с международными криминальными структурами (в основном наркотрафик и торговля оружием).

4. Рост количества терактов, совершенных террористами-смертниками, отмечается как одна из самых тревожных тенденций.

5. Уменьшение масштабов государственного спонсирования международного терроризма и большая самостоятельность негосударственных акторов в террористической деятельности¹⁵.

В «Стратегической оценке» террористической угрозы прошедшего года в рамках традиционного ежегодного обзорного исследования терроризма Госдепартаментом США «Доклад по странам-2006»¹⁶ (Country Reports on Terrorism; до 2004 г. назывался Patterns of Global Terrorism) отмечаются основные черты характерные для «нового терроризма». Одна из самых последних тенденций, набирающая все большую глубину и темпоральность — радикализация иммигрантского населения, молодежи и маргинальных меньшинств в Европе, на Ближнем Востоке и в Африке. Террористы пытаются манипулировать недовольством для радикализации других слоев населения, толкая их все дальше по пути незаконной деятельности и конфронтации с правительствами.

Другим новейшим трендом, по мнению аналитиков Госдепартамента США, является переход акторов глобального терроризма от «экспедиционных»

к «партизанским» формам террористической деятельности. Движение «Аль-Каида» и ее главная группа представляют собой международную сеть, которая стремится объединить и использовать действия разрозненных полунезависимых активистов. Она также открыто провозглашает себя транснациональным партизанским движением и применяет классические стратегии повстанческого движения на международном уровне.

Старший советник Многонациональных сил в Ираке по вопросам подавления мятежей и специальный советник Пентагона по нерегулярным войскам и борьбе с терроризмом Дэвид Килкаллен отмечает, что ответ на меры принятые в рамках контртеррористической борьбы, последовавшей после терактов 11 сентября 2001 г.: повышение уровня транспортной безопасности, защита инфраструктуры и ужесточение иммиграционного контроля. Террористы, в свою очередь, разработали «партизанский» подход, когда вместо того, чтобы создавать команды «на расстоянии» и тайно их внедрять для проведения терактов, они формируют команду рядом с местом проведения теракта, используя граждан враждебных государств. По такому сценарию были построены взрывы бомб в Лондоне и Мадриде, а также теракты в Касабланке, Стамбуле и Джебде и неудавшийся заговор против авиакомпании в Лондоне летом 2006 года¹⁷. Стоит заметить, что одной из главных причин роста «партизанских» методов у террористических организаций являются продолжающиеся военные действия в Ираке, прежде всего, и в Афганистане.

В этой связи следует подчеркнуть, что особую опасность для современного мира представляет соединение практики локальных войн и терроризма в так называемые асимметричные войны. В качестве причин возникновения асимметричных войн следует выделить развитие структур и отношений сетевого общества, а также геоэкономическую и геополитическую противоречивость становления неолиберального миропорядка.

Тенденция использования терроризма в качестве одной из форм тактики вооруженного противостояния в ходе асимметричных локальных (локально-региональных) конфликтов, в дальнейшем будет потенциально исходить от т. н. «нефункциональных» и «развалившихся» государств (failed-state) от Афганистана до Сомали. Именно на примере «развалившихся государств» наиболее очевидна фундаментальная взаимосвязь международной борьбы с терроризмом, с одной стороны, и усилий по урегулированию конфликтов и восстановлению дееспособной и легитимной государственной власти, которая остается главным и наиболее эффективным инструментом борьбы с терроризмом — с другой¹⁸.

Таким образом, «новый терроризм» отражает трансформацию терроризма в объективно изменив-

шихся условиях порожденных крахом биполярного мира и «эффектом глобализации», с сопутствующими ей явлениями. Современный международный терроризм существенным образом отличается от его своих прежних форм. Соответственно меняются и исходящие от него угрозы, а это требует принятия качественно иных мер для его противодействия.

Примечания

¹ База данных Terrorism Knowledge Base (TKB). National Memorial Institute for the Prevention of Terrorism (MIPT). Oklahoma 2007 <http://www.tkb.org/>

² См.: Добаев, И.П. Современные подходы к определению «нового терроризма» / И.П. Добаев // Социально-гуманитарные знания. — № 4. — 2005. — С. 145—155; Терроризм в современном мире: истоки, сущность, направления и угрозы / отв. ред. В.В. Витюк, Э.А. Паин. — М.: Институт социологии РАН, 2003. — 358 с.; Современный терроризм: состояние и перспективы. / под ред. Е.И. Степанова. — М.: Эдиториал УРСС, 2000. — 240 с. и др.

³ Игнатенко, А.А. InterTerror в России. Улики / А.А. Игнатенко. — М.: Европа, 2005; Perl, R. Trends in Terrorism: 2006 / R. Perl // Congressional Research Service Report for Congress. Order Code RL33555. 21.07.2006. (<http://fpc.state.gov/documents/organization/69479.pdf>).

⁴ Arquilla, J. Countering the New Terrorism / J. Arquilla, B. Hoffman, B.M. Jenkins, I.O. Lesser, D.F. Ronfeldt. M. Zanini. — Santa Monica, 1999.

⁵ Jenkins, B.M. The world has changed, but our mindset has not / B.M. Jenkins // RAND Review. — 2004. — Spring. — № 14; Country Reports on Terrorism — 2006. Washington D.C.. U.S. State Dep. Office on Counterterrorism, 2007. (<http://www.state.gov/s/ct/rls/crt/2006/>).

⁶ Неклесса, А.И. Культура смерти / А.И. Неклесса // Азия и Африка сегодня. — № 2, февр. — 2006. — С. 3—11.

⁷ Arquilla, J. Information-Age Terrorism / J. Arquilla, D. Ronfeldt, M. Zanunu // Current History. 2000. — Vol. 99 — № 636. P. 184—185; Супертерроризм: новый вызов нового века. ПИР-Центр. / под ред. А.В. Федорова. М.: Права человека, 2002. — С. 31—33. (Научные записки ПИР-центра; 2(20)). (Национальная и глобальная безопасность).

⁸ См.: Enders, W The Political Economy of Terrorism / W. Enders and T. Sandler. — Cambridge. Cambridge Univ. Press, 2006.

⁹ Rapoport, D.C. The Four Waves of Rebel Terror and September 11 / D.C. Rapoport // The New Global Terrorism: Characteristics, Causes, Controls. ed. by Ch. W. Kegley, Jr. N.J., 2003. — P. 36—59.

¹⁰ Clark, R.Ch. Technological terrorism / R.Ch. Clark. XVIII. — Old Greenwich, 1980. — P. 221. См. Также: Allison. G.T. Nuclear Terrorism: The Ultimate Preventable Catastrophe / G.T. Allison. — N.-Y.: Times Books: Henry Holt and Company, 2004. — 249 p.; Кокочин, А.А. Заметки о проблеме ядерного терроризма в современной мировой политике / А.А. Кокочин. М.: Эдиториал УРСС, 2004. — С. 32.

¹¹ Sageman, M. Understanding Terror Networks / M. Sageman. — Philadelphia University of Pennsylvania Press, 2004; Hirschmann, K. The changing face of terrorism / K. Hirschmann // International Politik und Gesellschaft. — Bonn, 2000. № 3. — P. 301; Laqueur, W. Postmodern Terrorism: New Rules for an Old Game / W. Laqueur // Foreign Affairs. September/October, 1996.

¹² Соловьев, Э.Г. Сетевые организации транснационального терроризма / Э.Г. Соловьев // Международные процессы. — № 2 (5), май—август 2004.

¹³ СПИН-структура: сегментированная, полицентричная, идеологически интегрированная сеть (SPIN — segmented, polycentric, ideologically integrated network). Она считается самой распространенной, опасной, внутренне сплоченной и при этом хотя бы относительно понятной моделью.

¹⁴ Игнатенко, А.А. Новая Лапуга: «Аль-Каида» как геополитический феномен / А.А. Игнатенко. 14.10.2005 (<http://www.i-r-p.ru/page/stream-trends/index-1241.html>); Неклеса, А.И. Указ соч.

¹⁵ Perl, R. Trends in Terrorism: 2006 / R. Perl // Congressional Research Service Report for Congress. Order Code

RL33555. 21.07.2006. (<http://fpc.state.gov/documents/organization/69479.pdf>).

¹⁶ Country Reports on Terrorism — 2006. Washington D.C.: U.S. State Dep. Office on Counterterrorism, 2007 (<http://www.state.gov/s/ct/rls/crt/2006/>).

¹⁷ Kilcullen, D. New Paradigms for 21st Century Conflict / D. Kilcullen // eJournal USA: Foreign Policy Agenda. Volume 12, Number 5, May 2007. (<http://usinfo.state.gov/journals/itps/0507/ijpe/kilcullen.htm>)

¹⁸ Степанова, Е.А. Терроризм и асимметричный конфликт: проблемы типологии и определения / Е.А. Степанова // Современный терроризм: истоки, тенденции, проблемы преодоления. Тетради Международного университета в Москве. Вып. 6. — М. Изд-во Международного ун-та, 2006. — С. 187—189.